

ТВОРЧЕСКИЕ ЗАМЫСЛЫ, НАБРОСКИ И ПЛАНЫ 1840—1850-х годов

Статья, предисловия и публикация Андре Мазона

ТУРГЕНЕВ НА ПЕРЕПУТЬЕ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ * (1842—1857)

Когда видишь прекрасное собрание рукописей, составляющих тургеневский фонд Национальной библиотеки (Париж), то невольно задаешь себе два вопроса. Один из них подсказывается нашей совестью: не показалось бы наше любопытство нескромным, даже непристойным, писателю, собственноручно написавшему на многих рукописях классический эпитаф, охраняющий на кладбищах усопших от любопытства живых — три священных буквы: S. I. P. (Sint in pace), т. е. «мир усопшим», «не тревожьте покой мертвых».

За первым вопросом возникает другой: если мы прочтем эти рукописи, наброски или законченные произведения, черновики писем Тургенева или письма его друзей, если мы познакомимся со всеми этими реликвиями, то прольет ли все это новый свет на его личность и творчество и может ли это послужить оправданием нашему вторжению в сокровенную область творческой работы?

Историки русской литературы уже ответили на эти вопросы, и притом единодушно. Никто из них, начиная с Н. М. Гутяра и кончая А. Е. Грузинским, Н. Л. Бродским, М. О. Гершензоном, не сомневался в том, что история имеет право на эти документы, потому что, как сказал Виктор Гюго о своих собственных юношеских опытах, они помогают нам «заглянуть в яйцо» и обнаружить «развитие птицы», «начало взлета». Да и какой историк, где бы то ни было в мире, откажется от права познать истину, от неотъемлемого права всякой науки?

И не сделался ли сам Тургенев соучастником биографов и исследователей его творчества тем, что оставил им документы, об уничтожении которых он писал Боткину 17 февраля/1 марта 1857 г.? Нельзя не улыбнуться, читая его трагическое заявление: «... ни одной *моей* строки никогда напечатано (да и написано) не будет до окончания века. Третьего дня я не сжег (потому что боялся впасть в подражание Гоголю), но изорвал и бросил в water-closet все мои начинания, планы и т. д. Все это вздор. Таланта с особенной физиономией и целостностью — у меня нет, были поэтические струнки — да они прозвучали и отзвучали, — повторяться не хочется — в отставку! <...> Ты знаешь, что я тотчас бросил стихи писать, как только убедился, что я не поэт; а по теперешнему моему убеждению — я такой же повествователь, какой был поэт». И такое же разочарование в самом себе выражал он 4/16 августа 1857 г. в другом письме к Боткину: «...je ne suis plus bon ni à voir, ni à entendre; je ne suis plus que de la merde** <...> от меня несет трупом, и я сам себе опротивел до последней степени...»

* Перевод с французского Е. А. Гунста; им же выполнены переводы предисловий к публикациям «Степан Семенович Дубков...» и «Русский немец и реформатор».

** ни слушать, ни смотреть на меня уже нечего; я не более, как дерьмо (франц.).

Но, как известно, вспышка самоуничижения потухла, и Тургенев немедленно снова взялся за перо: в том же 1857 г. он пишет повесть «Ася» и начинает работать над «Дворянским гнездом». Его творческая деятельность ничуть не приостановилась, и мы вправе не принимать более серьезно, чем он сам, его желание уничтожить следы своей деятельности, и без укоров совести перелистывать оставленные им пожелтевшие тетради, испещренные помарками и вставками. Мы будем заглядывать в эти тетради не в качестве любопытных дилетантов, нахлебавшихся анекдоты и пикантные подробности, а в качестве читателей, преклоняющихся перед величием того, кому люди минувшего века и наши современники обязаны столь благородными, правдивыми и глубокими произведениями, как «Записки охотника», «Рудин», «Дворянское гнездо», «Отцы и дети», «Дым» и, наконец, «Стихотворения в прозе», которые относятся к самым волнующим созданиям, когда-либо вынужденным поэту приближением старости и неотступной мыслью о смерти. Наша единственная забота — это как можно лучше познать и как можно лучше понять писателя: касается ли это его жизни, которую нам хочется обрисовать в ее наиболее ярких чертах, как сам он это сумел сделать во множестве очерков о жизни и характере своих героев, касается ли это его произведений, процесс создания которых нам хотелось бы изучить — от зарождения замысла, через черновые наброски и ранние варианты — к окончательной редакции, редакции, однако еще временной, раз ей суждено было подвергаться правке в каждой корректуре, в каждом новом издании.

Это — далеко идущие притязания и даже, скажут иные, притязания несбыточные, хотя и нередкие у историков литературы. Но в данном случае такие притязания оправдываются обилием материалов, которые открывает перед нами литературный архив парижского тургеневского фонда. Усилий одного человека, конечно, недостаточно для выполнения возникающих перед нами задач. Здесь потребуются множество специалистов, которым придется разделить между собой работу. В настоящее время я могу лишь обратить внимание на тот период жизни Тургенева, который был решающим и для его мировоззрения и для его творчества: это последние годы юности, когда он осознал себя как личность и открыл в себе писательский дар. Точнее, это 40-е годы и две трети 50-х, с 1842 по 1857 г. Это долгий срок — полтора десятилетия, отмеченных большой творческой активностью писателя. В эти годы им написаны «Записки охотника», первые рассказы и первые повести, созданы комедии, закончен первый роман «Рудин», задумано «Дворянское гнездо». Это время переходное, как бы перепутье, где видишь писателя колеблющимся перед несколькими дорогами, которые открываются перед его разнообразным и гибким талантом: поэзия, драма, повесть, рассказ, роман. На это именно время, отмеченное поисками пути, парижские рукописи проливают новый свет.

* * *

Кроме «Мемориала», единственного биографического памятника, относящегося к 40-м и 50-м годам (его текст см. ниже, стр. 342—345), тургеневский фонд Национальной библиотеки содержит несколько отрывков и литературных планов, задуманных писателем с 1842 по 1857 г., а именно: «Искушение святого Антония», «Степан Семенович Дубков», «Русский немец», «Реформатор и русский немец», «Две сестры», «Два поколения».

Отрывок из драмы «Искушение святого Антония» опубликован нами впервые в 1953 г. в «Revue des Etudes slaves» (t. XXX, pp. 21—40) в виде черновика со всеми исправлениями. Без вариантов он напечатан в IX томе собрания сочинений Тургенева в двенадцати томах (М., 1956, стр. 503—531), а полностью: Тург. АН. Сочинения (т. III, стр. 246—275).

«Искушение святого Антония» было написано в первые месяцы 1842 г., в один из самых бурных периодов молодости Тургенева. В это время заканчивается его роман с сестрой его друга Бакунина, Татьяной. Тургенев внушил ей экзальтированную страсть, эта страсть испугала его как человека уравновешенного и, чем дальше, тем больше он желал освободиться от этого увлечения. Тургенев тогда уже вступил на путь литературной деятельности, хотя сам далеко не был уверен в своем таланте,

ТУРГЕНЕВ

Гравюра с рисунка Людвиг Пича, сделанного по дагерротипу конца 1840-х— начала 1850-х годов
«Illustrierte Zeitung» от 18 августа 1855 г.

несмотря на то, что его стихотворения печатались в журналах и ценились знатоками поэзии. Он заканчивает студенческую жизнь; сдает экзамены по литературе и филологии, но занимается этим как-то небрежно, даже с некоторой иронией. Он продолжает быть остроумным, блестящим собеседником в салонах, как и в редакциях журналов. Некоторые из его современников считают его хлыщом, а временами находят его просто несносным.

Среди всей этой суеты, «dans ce tourbillon», у Тургенева оставалось мало свободного времени для работы над «Искушением святого Антония», и начатая драма так и осталась незавершенной. До нас дошел лишь незаконченный черновик, содержащий три явления или, лучше сказать, три сцены, из которых третья обрывается на середине.

Что сделал Тургенев из легенды о святом Антонии, из этой картины искушения, столь часто изображавшейся самыми великими художниками и переделанной Флорбером в своего рода грандиозную фреску? Тридцать лет спустя Тургенев будет следить, по дружеским сообщениям Флорбера, из недели в неделю за рождением этой фрески, но так и не откроет тайны своему другу, не упомянет о своем «грехе молодости», о своей скромной драме, набросанной в 1842 г.

Для нас эта русская переделка старой легенды крайне интересна. В ней отражается литературная фантазия юного автора; в ней вырисовываются образы, занимавшие тогда его воображение; в ней видно влияние на его чувства и мысли прочитанных им книг. В то время писатель был полон воспоминаний о путешествии в Италию, о той очаровательной поездке, которую И. М. Гревс сумел так изящно описать в книге «Тургенев и Италия» (Л., 1925, стр. 24—32). Он влюблен в Мериме и в «Театр Клары Газюль», как отметил Леонид Гроссман еще в 1924 г. («Театр Тургенева». М., 1924, стр. 31—36). Тургенев, этот молодой романтик, обладает уже острым и глубоким ощущением природы — властительницы мира, на лоне которой человек является лишь ничтожной частицей. В «Искушении святого Антония» мы узнаем этот мотив, который встречается так часто в его произведениях и под конец его жизни станет главным, основным мотивом «Стихотворений в прозе». Мы находим здесь воспоминания об Италии, узнаем «Театр Клары Газюль», перенесенный из Испании в Италию.

Все эти элементы присутствуют в «Искушении святого Антония». Но древняя легенда преобразилась. Сам святой отшельник стал у Тургенева блестящим итальянским кавалером, кающимся в пещере на берегу моря. Он, Антонио, — бывший воин и великий грешник («Железный был я, грешный человек...»), отказавшийся от любви девушки (Марцеллины) и ставший отшельником. Драма проникнута итальянским колоритом. Имена действующих лиц все итальянские: Антонио, Джулио, Карло Спада, Лоренцо, Пиетро, Роберто, Андреа, Астольфо; так же как и названия городов: Болонья и Пиетра Нуова. Серенада под балконом красавицы, тон разговоров Карло Спады и наемного убийцы Джулио, костюмы, которые, правда, не описаны, но их легко можно угадать (у Антонио шляпа с перьями), — все это соответствует романтической традиции и романтическим представлениям об условной Италии времен Сфорцы и королевы Иоанны: «Мы с тобой служили в одном полку, в войске славного, знаменитого Сфорцы — и дрались за ее величество королеву Иоанну». Как отдалена эта картина от пустыни святого Антония, как отдалена она от IV века!

Исходная точка драмы, несомненно, «Женщина, это — дьявол, или Искушение святого Антония» («Une femme est un diable ou la Tentation de Saint Antoine») Мериме, как определил в 1929 г. Ю. Г. Оксман (Соч. 1930, т. III, стр. 230—231; см. также: Л. П. Гроссман. Драматургические замыслы Тургенева («Две сестры» и «Искушение святого Антония»). — «Известия Академии наук СССР, Отд-ние литературы и языка», т. XIV, вып. 6, 1955, стр. 549—552; ранее об этом писал М. К. Клеман в статье «И. С. Тургенев и П. Мериме» — «Лит. наследство», т. 31-32, 1937, стр. 711). В литературных приемах, особенно в композиции и ритме драмы чувствуется манера Мериме, напоминающая до некоторой степени Пушкина. Сцены короткие, и между ними нет непосредственной связи; действие проходит быстро. Действующие лица обрисованы выразительно и ярко; их речь проста и порой грубовата. Пьеса подходит для чтения более, чем для театра. Она предвещает камерный театр, свободный театр, «Le Théâtre en liberté», почти кукольный театр, схематический и в то же время живой. В стихах

чувствуется традиция Пушкина и Лермонтова. Слог удивительно легкий и грациозный, непринужденность его напоминает Мюссе.

Итак, легенда о святом Антонии превратилась в фантастическую драму, в которой принимают участие все силы природы: море, облака, крупные и мелкие животные и, конечно, сверхъестественные существа, то есть Сатана и его дьяволы. Этим смелым нововведением Тургенев опередил приемы Виктора Гюго в «*Théâtre en liberté*» и Метерлинка в такой его драме, как «Синяя птица».

Даже в виде неоконченного черновика «Искушение святого Антония» достойно быть упомянутым в числе ранних произведений Тургенева, между «Стено» (1834), с одной стороны (в котором так сильно чувствуется влияние Байрона), и «Парашей» (1843), где ощущается влияние Лермонтова, «Разговором» (1844) и даже «Попом» (1844), с другой стороны. Это последнее произведение можно смело, ссылаясь на аргументы Н. Л. Бродского, приписать Тургеневу (предисловие к отд. изд. поэмы: М., 1917); в «Попе» живо и задорно проявляется иронический скептицизм автора по отношению к церкви и духовенству.

Писатель уже не новичок в своем деле, но он еще колеблется, испытывая различные влияния. Он сам предупреждает об этом читателя в первой же строфе «Попа»:

И подражать намерен я свирепо
Всем... я на днях читал Pucelle и Беппо.

Точно такое же признание находим в конце предисловия к черновому наброску пьесы «Две сестры»:

Мы подражаем понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь.

Нельзя не отдать справедливости его проницательности и скромности. Он еще не достиг подлинной оригинальности. Самодовольство, отмеченное в Тургеневе современниками, не было существенной чертой его характера. Его кажущееся самодовольство во второй половине 1840-х годов — это скорее недовольство окружающим миром, недовольство всеми и прежде всего самим собою. Свое внутреннее глубокое негодование он умеряет до некоторой степени, описывая правдивые образы страны и людей, образы, в которых одновременно просвечивают и любовь и ирония, чаще нежная, чем горькая, но порой и жестокая.

Человек отыскал себя; писатель уже взялся за свое дело: он создает первые рассказы о русской провинции, о помещиках и крестьянах — «Записки охотника».

* * *

От замысла пьесы Тургенева «Две сестры» до нас дошло лишь ее начало. Впервые оно было опубликовано нами в 1954 г. по рукописи парижского архива в «*Revue des Etudes slaves*» (т. XXXI, pp. 94—100). Без вариантов оно напечатано в IX томе собрания сочинений Тургенева (М., 1956, стр. 525—531), а полностью: Тург. АН. Сочинения (т. III, стр. 276—282).

Этот отрывок, написанный в июне 1844 г., освещает исходную точку комедии «Месяц в деревне», представленной в первый раз в 1872 г. В 1849 г. Тургенев назвал эту комедию «Студент», а в 1850 г. — «Две женщины». В 1855 г. она была напечатана под заглавием «Месяц в деревне», но героиня ее, по требованию цензуры, стала вдовой. Цензура нашла, что присутствие мужа в пьесе неприлично, раз этот муж так снисходительно, сквозь пальцы смотрит на поведение жены, которая, как известно, колеблется, не зная, предпочсть ли ей влюбленную дружбу красивого, но нерешительного красавца (Ракитина), или оборотливую молодость простодушного учителя (Беляева). В своем подлинном виде пьеса появилась на сцене лишь семнадцать лет спустя.

Сохранившийся отрывок комедии «Две сестры» — живой и блестящий — напоминает манеру Мериме. Немногочисленные действующие лица обрисованы четко, и характер их проявляется ярко. Действие еще не развито; но все же можно предугадать его схему, и она в общих чертах, хотя и с некоторыми изменениями, предвещает знаменитую комедию «Месяц в деревне».

НАБРОСОК РАССКАЗА О СТЕПАНЕ СЕМЕНОВИЧЕ ДУБКОВЕ

По всей вероятности к началу 1840-х годов относится отрывок «Степан Семенович Дубков и мои с ним разговоры», в котором очерчен отставной военный. Дата не обозначена, но в «биографической канве» Дубкова одно указание позволяет ее предположить, по крайней мере приблизительно: «Поселяется в уездном городе в 1840, где живет до сих пор».

Отрывок занимает две страницы большого формата. Он заключает в себе диалог автора с его героем. На первой странице нарисован писателем карикатурный портрет Степана Семеновича Дубкова в рост, а под портретом набросана упомянутая канва его биографии. Он — бывший офицер, вышедший в отставку и поселившийся в провинциальном городке. Рассказчик беседует с ним полусерьезно, полуиронически, как с каким-то гоголевским персонажем. Юмористическая манера, в которой написан диалог, напоминает шутливую новеллу «Похождения подпоручика Бубнова», помеченную 25 июня 1842 г.

Общеизвестно, как велика была близость к гоголевской манере у Тургенева в пору, когда он начал писать «Записки охотника». Этот отрывок, по-видимому, не предназначался для «Записок охотника», а скорее всего для какой-нибудь комической сцены.

Он, к сожалению, не окончен и круто обрывается на своего рода «исповедании веры» бывшего исправника.

Приводим текст отрывка:

СТЕПАН СЕМЕНОВИЧ ДУБКОВ И МОИ С НИМ РАЗГОВОРЫ

Степан Дубков.

род. — 1788.

Юнк(er) в пехотн(ом) полку — в 1806.

В отставке — в 1815, с чином штабс-капитана.

Живет в деревне — до 1825.

» в Москве — до 1827.

Опять в деревне — до 1833.

Сделан исправником — до 1839.

Поселяется в уездном городе в 1840, где живет до сих пор.

— Степан Семенович!

— Чего-с?

— Знаете ли, что я думаю, глядя на вас?

— Нет-с^{1*} не знаю — что такое-с?

— Мне^{2*} кажется, что вы притворяетесь.

— То есть это как например-с? Я притворяюсь?

— А^{3*} вот как. — Вот уже с лишком месяц, как я с вами познакомился и каждый день разговариваю с вами — знаете ли, что я от вас ни разу не слышал ни одного теплого, доброго слова, такого слова^{4*}, из которого^{5*} я бы мог заключить, что у вас есть сердце, что вы верите во что-нибудь, любите что-нибудь...

— Гм, — промычал С(тепан) С(еменович)^{6*}, потупил голову и перенял чубук из одной руки в другую.

^{1*}с — вписано ^{2*}Перед: Мне — зачеркнуто: Вот что я думаю: ^{3*}Перед: А — зачеркнуто: Помилуйте-с ^{4*}такого слова — вписано вместо зачеркнутого: ничего
^{5*} которого — вписано вместо зачеркнутого: чего ^{6*}С. С. — исправлено из: Д...; далее зачеркнуто: и по обыкновенью

Степан Семенович Дубков

4. Мое и наше разговора.

Степан Дубков

род - 1788.

юноша в
пешоту-полке - в 1806.

Во отряде - в 1815 с командой Швейцарского полка

Николай в фаворите - до 1825.

в службе - до 1827.

Отшельник в деревне - до 1833.

Сотворил карьеру - до 1839.

начальник в уездном суде в 1840 до смерти до сих пор

«СТЕПАН ДУБКОВ»

Рисунок Тургенева на листе рукописи незаконченного рассказа
«Степан Семенович Дубков и мои с ним разговоры»,
начало 1840-х годов

Национальная библиотека, Париж

— Послушать вас, так для вас все равно, что бы ни делалось на свете? ^{7*} Неужели же, ^{8*} жизненный опыт ^{9*} довел ^{10*} вас до такого ^{11*}. Я этому верить не хочу — и я скорее готов думать, что вы только ^{12*} прикидываетесь разочарованным человеком ^{13*}. Откуда бы у вас бралась жёлчь, если б вы бы точно ^{14*} ни в чем не принимали ^{15*} участия.

— Гм, — повторил С<тепан> С<еменович>, — и видя, что я не продолжаю, — отвернулся и плюнул в окно ^{16*}. — Фанаберика, — промолвил он, утирая себе губы рукой.

— Что такое?

— Ф<анаберик>а-с, — повторил он, возвысив голос. — Все, что вы изволили говорить-с, фанаберика-с. — Это все философия-с, — это хорошо для ученых-с, а не для нашего брата ^{17*}. Что же ^{18*} касается до жёлчи, то я вам скажу-с ^{19*} — у меня ее всегда было достаточно-с ^{20*}. Теперь я больше эдак бурой комплекции-с, а сызмала был я ^{21*} желт-с, как лимонная корка-с. Таким уж меня господь бог создал, да матушка уродила. Это уж их было дело-с.

— Но все-таки...

— Теперь насчет любви-с, — перервал он меня. — Да что я буду любить — позвольте спросить-с? Какая из этого будет кому польза? Никому никакой-с. И притом я не знаю, почему это мне непременно надобно любить-с? ^{22*} Мне закон говорит: не крадь — и я не краду, а он мне не говорит — люби-мол ^{23*}. Нигде мне этого он не говорит-с.

— Так если б, по-вашему, закон не запрещал вам красть — вы бы крали?

— И крал бы-с, непременно бы крал.

— Поздравляю вас; но позвольте вам заметить, что ^{24*} есть заповедь, которая повелевает нам...

— Знаю-с, знаю-с... Возлюбите ближнего своего ^{25*}... Да я и люблю ближнего-с — вообще — и как самого себя. Я себе зла не делаю — и ему тоже не делаю-с и даже не желаю никогда ^{26*}. Но вы не в том смысле говорить изволили. Вот вы, напр<имер>, тоже говорите: верить надо. И ^{27*} я не прочь от этого-с ^{28*}... Я, напр<имер>, верю — что теперь вот день, а после будет ночь ^{29*}, и еще многому ли <?> чему я верю — а вы все недовольны-с ^{30*}.

— Вы не ^{31*} понимаете меня — или, лучше сказать, вы ^{32*} не хотите меня понять.

Д<убков> ^{33*} помолчал. — Нет-с, вы мне лучше скажите-ка, чему еще ^{34*} надобно верить...

^{7*}Послушать ∞ на свете — вписано ^{8*}Далее зачеркнуто: продолжал я — ва<...>; сверху вписано и зачеркнуто: вас ^{9*}жизненный — вписано; ранее было вписано и зачеркнуто: жизненный ^{10*}Далее по недосмотру вписано: вас; далее зачеркнуто: до ^{11*}Далее зачеркнуто: каменного равнодушия? да равнодушия; сверх зачеркнутого вписано и зачеркнуто: [не] мертво<...>; полного ^{12*}только — вписано ^{13*}Далее зачеркнуто: и лучшим [подтверждением моей дога<дки>] доказательством справедливости сей догадки служит именно та жёлчь, с которой вы обыкновенно выражаетесь ^{14*}Далее зачеркнуто: во всем разочаровались уже ^{15*}Далее зачеркнуто: бы ^{16*}Далее начато и зачеркнуто: и пр.<...> ^{17*}Далее зачеркнуто: [Взять] Я ^{18*}же — вписано ^{19*}Далее зачеркнуто: я сызмала и ^{20*}у меня ∞ достаточно-с — вписано ^{21*}я — вписано ^{22*}И притом ∞ любить-с? — вписано вместо зачеркнутого: Или на<...> ^{23*}мол — вписано ^{24*}Далее зачеркнуто: есть заповедь, которая ^{25*}Далее зачеркнуто: как самого себя ^{26*}и даже ∞ никогда — вписано ^{27*}И — вписано ^{28*}от этого-с — вписано ^{29*}вот ∞ ночь — вписано вместо зачеркнутого: шестой час дня, что шерстяное платье теплее бумажного и [проч.] т. д. — чего же еще-с? ^{30*}и еще ∞ недовольны-с — вписано ^{31*}Далее зачеркнуто: можете ^{32*}Далее зачеркнуто: меня понимаете ^{33*}Перед: Д. — зачеркнуто: Нет-с ей-е<...> ^{34*}чему еще — вписано вместо зачеркнутого: во что

ДВЕ РЕДАКЦИИ РАССКАЗА «РУССКИЙ НЕМЕЦ И РЕФОРМАТОР»

Среди черновиков, уцелевших от уничтожения в 1857 г., было четыре, которые Тургенев хранил в Париже и которые, как он писал Анненкову 25 октября/6 ноября 1872 г., предназначались для «Записок охотника». Это были — «Реформатор и русский немец», «Землеед», «Приметы» и «Незадача». Два последних, подчеркивал Тургенев, лишь планы («Русское обозрение», 1898, № 5, стр. 21—22). В бумагах, сохранившихся в семье Виардо и поступивших в Национальную библиотеку, осталась одна из этих четырех рукописей — первая, зато в двух видах: «Русский немец» и «Реформатор и русский немец».

Из опубликованной переписки Тургенева известно, что представлял собою рассказ «Землеед», который писатель предполагал переработать. Планы «Примет» и «Незадачи», насколько нам известно, не сохранились. Тургенев пояснил Анненкову, что держал эти планы у себя, потому что «никакая тогдашняя цензура их бы не пропустила» («Русское обозрение», 1898, № 5, стр. 22). Он готов был дать их Е. И. Рагозину для журнала «Неделя», но не сделал этого по настойчивому совету Анненкова. Закончить эти рассказы после двадцатилетнего перерыва, для того, чтобы их напечатать, значило бы для автора, по мнению Анненкова, примириться с тем, что это «диспарат совершенно видный и опутительный»: «Итак, по моему мнению, отдельно, самостоятельно, любой из ваших четырех сюжетов может и должен быть возобновлен, но чести принадлежать к великому семейству „Записок“ он не удостоится, хотя бы вы сами вздумали выдать ему патент на то<...>. Мимоходом сказать, веселенький сюжетец „Землеед“, рассказывающий происшествие, у которого теперь нет ни нравственного, ни политического смысла, мне — простите седины — кажется недостойным Тургенева после всего, что он сделал» (там же, стр. 23—24). Этот сюжет «из числа самых веселых» представлял собою следующее: «... крестьяне уморили своего помещика, который ежегодно урезывал у них землю и которого они прозвали за это „землеедом“, заставив его скупать фунтов 8 отличнейшего чернозема» (там же, стр. 22). Тургенев поблагодарил Анненкова за письмо и обещал последовать его совету: «„Ты победил, Галилеянин!“». Сама мудрость гласит вашими устами, и решение мое крепко: оставить „Записки охотника“ в покое. Когда я вас увижу, я вам подарю на память старые черновые наброски („Реформатора“ я начал было переписывать), пусть они остаются у вас как курьезы» (там же, стр. 24).

Парижская рукопись набросков «Русский немец» и «Реформатор и русский немец» состоит из трех частей: 1) на небольшом листке с началом какого-то делового письма (быть может, шутливого) с датой «Берлин. 13-го/1-го апреля 1847 г.» — отрывок рассказа, озаглавленного «Русский немец»; 2) лист большого формата с номером 17 — черновик рассказа «Реформатор и русский немец» (с рисунками и со списками имен на полях для пробы пера; последние строчки внизу второй страницы неразборчивы); 3) три листка (пять страниц) небольшого формата на почтовой бумаге — переписанное набело начало того же рассказа «XVII. Реформатор и русский немец», прерванное на словах «Приехал он к нам прошлой осенью, под самый Спас» (несомненно, то самое начало, которое Тургенев имел в виду в цитированном письме к Анненкову).

Речь идет о двух различных набросках на одну и ту же тему: помещик-реформатор, вводящий в жизнь русских крестьян непонятные для них реформы деспотического характера в немецком духе, совершенно чуждые жизни русского мужика.

В первом наброске реформатором является настоящий немец: господин Леберехт Фохтлендер. Во втором наброске «Реформатор и русский немец» реформатор — человек исконно русский, но решивший говорить по-немецки со своим камердинером, хотя и тот не «из немцев», а «из чухонцев» и «по-немецки понимает», а по-русски говорит. Первый набросок не окончен и, очевидно, отброшен автором. Тургенев предпочел приняться за новую редакцию рассказа, которую, как мне кажется, он почти закончил, несмотря на то, что автограф его обрывается на середине диалога.

ПЕРВЫЙ НАБРОСОК

РУССКИЙ НЕМЕЦ

Однажды я вслед за моей собакой вышел в гречишный ^{1*} клин, нисколько мне не принадлежащий ^{2*}. В любезном нашем отечестве ^{3*} всякий волен стрелять ^{4*} где хочет ^{5*}, на своей земле и на соседской ^{6*}. [Кроме] немногих ^{7*} старых и сварливых баб да ^{8*} усовершенствованных помещиков на английский лад, никто ^{9*} и не думает запрещать чужим ^{10*} охотиться в ^{11*} своих владеньях ^{12*}. Не успел я ступить несколько шагов ^{13*}, как услышал позади себя громкие ^{14*} крики ^{15*}. Мне ^{16*} никак ^{17*} в голову не могло придти, что кричат-то собственно ^{18*} на меня, и ^{19*} я преспокойно продолжал ^{20*} со всею тщательностью добросовестного охотника ^{21*} прохаживаться ^{22*} взад и вперед по полю, пока, наконец, явственно ^{23*} не расслышал слов: «Да что же это вы, барин, гречиху-то топчете?.. Нельзя, запрещено» ^{24*}. Я обернулся и увидел мужика в армяке, с необыкновенно живописной и волнистой бородой, [который] ^{25*} шел прямо на меня и сильно размахивал руками. Я остановился ^{26*}. — Не след вам ^{27*} ходить по гречихе. А вот я, постойте ^{28*}, вас к бурмистру сведу, за это штраф положен ^{29*} и приказ на то есть ^{30*}, — говорил на ходу ^{31*} мужик, потряхивая головой ^{32*}. Наконец он подошел ко мне. Я извинился. Он поворчал. Но запрещение ход<ить> по греч<ихе> показалось мне до того странно<ым> ^{33*} у нас в благодатной России, да еще в степной губернии ^{34*}, что я не мог не спросить мужика: кто ^{35*} ему дал такой приказ? — Кто? — возразил с неудовольствием мужик. — Кто? Сам барин. — А кто ваш барин? — Мужик помолчал и осунул кушак ^{36*}... — Макарат Иваныч Швохтель. — Как? — Мужик повторил имя своего барина ^{37*}. — А что, — прибавил он, — табачком не маракуете? — Нет, не маракую, а вот ^{38*} возьми ^{39*} на табак. — Мужик поблагодарил, снял шапку и повеселел. Так запрещено? — спросил я его. — Запрещено, — возразил он улыбаясь, как человек, который хотя и ^{40*} исполняет приказ своего ^{41*} начальника, но ^{42*} сам однако чувствует, что приказ-то в сущности ^{43*} пустой. — Оно, конечно, — продолжал он, — гречиха не горох; что к ней приставлять

^{1*} гречишный — исправлено из: гречишное; далее начато и зачеркнуто: по(ле)
^{2*} нисколько ∞ принадлежащий — вписано ^{3*} В любезном ∞ отечестве — вписано
 вместо зачеркнутого: У нас на Руси ^{4*} волен стрелять — вписано вместо
 зачеркнутого: охотится; промежуточный вариант: стреляет ^{5*} Далее зачеркнуто:
 [и] земле(?) и ^{6*} соседской — исправлено из: соседней ^{7*} Первоначально было:
 кроме двух-трех; промежуточный вариант: Исключая немногих ^{8*} Далее зачеркнуто:
 [еще] помещиков ^{9*} Далее зачеркнуто: не запрещает ^{10*} чужим — вписано
^{11*} в — исправлено из: на ^{12*} Далее зачеркнуто: Не успел ^{13*} ступить ∞ шагов —
 вписано вместо зачеркнутого: дойти до середины поля ^{14*} громкие — вписано
 вместо зачеркнутого: неясные ^{15*} Далее зачеркнуто: [Не имея] Сперва я не
 обращал [вниманья] на них никакого вниманья — ибо не имел малейшей причины
^{16*} Мне — вписано вместо зачеркнутого: и ^{17*} Далее зачеркнуто: не мог вооб-
 разить ^{18*} -то собственно — исправлено из: <нрзб.> ^{19*} Далее зачеркнуто: пото-
 му ^{20*} Далее зачеркнуто: топтать гречиху — но наконец ^{21*} со всею ∞ охот-
 ника — вписано ^{22*} прохаживаться — вписано вместо зачеркнутого: вы<...>
^{23*} явственно — вписано ^{24*} Нельзя — зачеркнуто и восстановлено; запрещено —
 вписано вместо начатого и зачеркнутого: запр<...> ^{25*} с необыкновенно ∞ кото-
 рый — вписано ^{26*} Далее зачеркнуто: [Он подошел ко мне] Приближаясь мужик
 твердил ^{27*} вам вписано ^{28*} Далее зачеркнуто: я ^{29*} Далее зачеркнуто: — про-
 должал он ^{30*} и ∞ есть — вписано ^{31*} на ходу — вписано ^{32*} Далее зачеркнуто:
 Он ^{33*} Далее зачеркнуто: у нас в ^{34*} да ∞ губернии — вписано ^{35*} ему ∞ приказ —
 вписано вместо зачеркнутого: дал ему приказ не пускать никого на гречиху?;
 промежуточный вариант: его сторожем приставил ^{36*} осунул кушак — вписано
 вместо: выдвинул одну ногу вперед; далее начато и зачеркнуто: и про <...> ^{37*} Далее
 зачеркнуто: но уже не без улыбки ^{38*} Далее зачеркнуто: те(бе) ^{39*} возьми
 зачеркнуто и восстановлено; промежуточные варианты: а) тебе возьми; б) хотя возь-
 ми ^{40*} хотя и — вписано ^{41*} своего — вписано ^{42*} сверху вписано и зачеркнуто:
 невольно ^{43*} в сущности — вписано

сторожа-то — сырую-то ее кто же ^{44*} станет есть... Да у нас уж ^{45*} барин такой... На наперстке, прости господи, рожь молотит...

На этой же неделе ^{46*} довелось мне познакомиться именно ^{47*} с этим ^{48*} барином ^{49*}. Г-н Леберехт Фохтлендер ^{50*} родился, ^{51*} по слухам ^{52*}, в славном <?> ^{53*} немецком ^{54*} городке Гудбахе ^{55*}, на 25 году ^{56*} поступил на российскую службу ^{57*}, состоял в разных должностях ^{58*} 32 года с половиной ^{59*} — вышел в отставку с чином надворного советника ^{60*} и орденом святой Анны ^{61*}. На сороковом году женился ^{62*}. Роста ^{63*} он был небольшого, худощав; носил коричневый фрак старого покроя ^{64*}, серые брюки ^{65*}, узенькие ^{66*}, серебряные часы ^{67*} на ^{68*} голубом бисерном шнурке ^{69*}, высокий белый галстух ^{70*} и брыжжи до ушей. Он держался очень прямо, ходил чопорно, изредка поворачивая ^{71*} небольшую ^{72*} головку ^{73*}. Лицо у него было маленькое и гладенькое ^{74*}, глаза голубые ^{75*}, носик острый ^{76*}, бакенбарды полукруглые ^{77*}, лоб покрытый тонкими морщинами ^{78*}, губки сжатые ^{79*}.

ВТОРОЙ НАБРОСОК

XVII. РЕФОРМАТОР И РУССКИЙ НЕМЕЦ

Я сидел в так называемой «чистой» комнате постоялого двора на большой Курской дороге и расспрашивал хозяина, толстого человека с волнистыми, седыми волосами, глазами на выкате и отвислым животом, о числе охотников, посетивших в последнее время Телегинское болото, — как вдруг дверь растворилась — и вошел в комнату проезжий, стройный и высокий господин в щегольском дорожном платье. Он снял шапку... «Евгений Александрыч!» — вскричал я. — «Какими судьбами?..» — «А, ***!» — воскликнул он в свою очередь. Мы пожали друг другу руки... «Как я рад, как я рад», — пролепетали мы оба, не без напряженья...

— Куда вас бог несет? — спросил я наконец.

— В Курск... Я наследство получил.

— Тетушка ваша скончалась? — проговорил я с кротким участием.

— Скончалась... — отвечал он с легким вздохом. — Хозяин! — прибавил он громким голосом. — Самовар — да поскорей! Да, — продолжал

ε. ^{44*}кто же ∞ есть — *исправлено из:* ведь есть не станешь ^{45*}уж — *вписано* ^{46*}*Сверху начато и зачеркнуто:* Впосле <...> *далее зачеркнуто:* пришлось ^{47*}именно — *вписано* ^{48*}этим — *вписано* ^{49*}*Далее зачеркнуто:* [Это] Он ^{50*}*Далее зачеркнуто:* (а не Макарат) происходил от неизвестных родителей и ^{51*}*Далее зачеркнуто:* [Шварцбург-Зондерсгаузенским] Гогенцоллерн-Зигмарингенским подданным [в [немецком] одном немецком городке] в горах Шварцвальда ^{52*}по слухам — *вписано*; *далее зачеркнуто:* в одной из самых [кривых в] [старинных] высоких и старых домиков одной из самых кривых улиц ^{53*}славном<?> — *вписано* ^{54*}немецком — *исправлено из:* немецкого ^{55*}*Далее зачеркнуто:* до 16-тилетнего возраста занимался богословием — на 20-м году жизни приехал в Россию и потом ^{56*}на 25-м году — *вписано* ^{57*}*Далее зачеркнуто:* на которой ^{58*}в разных должностях — *вписано* ^{59*}половиной — *вписано* ^{60*}*Далее зачеркнуто:* при ^{61*}*Далее зачеркнуто:* остальные подробности его жизни покрыты ^{62*}На сороковом году женился — *вписано* ^{63*}*Перед этим зачеркнуто:* человек он был ^{64*}*Далее зачеркнуто:* <нрзб.> ^{65*}серые брюки — *исправлены из:* брюки серые [с доволь<но>] ^{66*}узенькие — *вписано* ^{67*}*далее вписано и зачеркнуто:* с крошечным ключиком ^{68*}*Далее зачеркнуто:* бис <...> ^{69*}*Далее зачеркнуто:* и с ^{70*}*Далее зачеркнуто:* с ^{71*}изредка поворачивая — *вписано вместо:* охотно <?> закидывал назад свою; *сверху вписано и зачеркнуто:* почти изредка; *потом изредка [с восстановлено]* ^{72*}*Далее зачеркнуто:* лысую ^{73*}*Далее зачеркнуто:* <нрзб.> ^{74*}лицо ∞ гладенькое — *вписано вместо зачеркнутого:* Его небольшие глаза ^{75*}глаза голубые — *исправлено из:* голубые глаза ^{76*}носик острый — *исправлено из:* острый носик; *далее вписано и зачеркнуто:* приклеенные <?> ^{77*}полукруглые — *вписано* ^{78*}лоб ∞ морщинами — *вписано* ^{79*}губки сжатые — *вписано вместо зачеркнутого:* [в] [сжатые губы] и резко обозначенные губы — [сло] [все черты] словом все

он, снова обращаясь ко мне. — Скончалась ^{1*}. Вот теперь еду наследство получать.

Вошел слуга Евгения Александрыча, рыжеватый молодой человек, одетый егерем.

— Hans! — промолвил мой знакомый. — Geben Sie mir eine Pfeife ^{2*}. Hans вышел ^{3*}.

— У вас камердинер из немцев? — спросил я.

— Нет... из чухонцев... — отвечал Евгений Александрыч с расстановкой. — Но по-немецки понимает.

— А по-русски говорит?

Евгений Александрыч помолчал немного...

— Да, говорит!

Hans вернулся, почтительно поднес чубук прямо к губам барина, положил на трубку четырехугольный клочок белой бумаги — и приставил к бумажке свечку. Барин начал курить, принимаясь боком и кривя губами за янтарь, словно собака за ежа. Хозяин внес пипящий и кипящий самовар. Я сел подле Евгения Александровича и вступил с ним в разговор.

Я знавал Евгения Александровича Ладыгина в Петербурге. Он был высокого роста, видный мужчина с светлыми большими глазами, орлиным носом, решительным выраженьем лица. Все его знакомые и многие незнакомые отзывались о нем как о человеке «практическом». Он изъяснялся не красноречиво, но сильно, выслушивая чужие речи, от нетерпенья стискивал челюсти и пускал игру по щеке, выступал с уверенностью, ходил по улицам стремительно, не шевеля ни руками, ни головой и быстро поводя кругом глазами. Глядя на него, вероятно, не один прохожий невольно воскликнул: «Фу ты, боже мой! Куда идет этот человек ^{4*}?» А Евгений Александрыч просто шел обедать. Вставая из-за стола, он, бывало, застегивал свой сюртук доверху с такой холодной и сосредоточенной решимостью... как будто сейчас отправлялся на поединок и уже завещанье подписал. И между тем — хвастовства в нем и признака не замечалось; человек он был упрямый, настойчивый и односторонний, но не глупый и не злой, всем прямо глядел в глаза ^{5*}, любил справедливость... Правда, поколотить притеснителя ему было бы гораздо приятнее, чем избавить притесненного, — но о вкусах спорить нельзя. Служил он в полку года четыре — а остальное время своей жизни страшно был занят — чем? спросите вы... Да ничем, разными пустяками, за которые принимался всегда с лихорадочною деятельностью и систематическим упорством ^{6*}. Это был тип русского педанта, заметьте, русского, не малороссийского ^{7*}... Между тем и другим разница страшная, на которую тем более следует обратить внимание, что со времени Гоголя часто смешивают эти две родные, но противоположные народности.

— И надолго едете вы в деревню? — спросил я Ладыгина.

— Не знаю — может быть надолго, — отвечал он мне с сосредоточенной энергией, равнодушно глянув в сторону, как человек сильного характера, который принял непреклонное решение, но, впрочем, готов в нем дать отчет.

— У вас наверное множество планов в голове? — заметил я.

— Планов? ^{8*} Смотря по тому, что вы называете планами. Вы не думаете ли, — прибавил он с усмешкой, — что я принадлежу к числу молодых

^{1*} Да ∞ скончалась — *вписано* ^{2*} Дайте мне трубку (нем.) ^{3*} Hans вышел — *вписано*. В черновой рукописи: Hans покачал утвердительно головой и вышел. ^{4*} В черновой рукописи: «Фу ты, чёрт! решил на что-то этот человек!» ^{5*} В черновой рукописи: всем говорил прямо в глаза ^{6*} В черновой рукописи: стремительным упорством ^{7*} В черновой рукописи: заметьте, русского, не германского ^{8*} В черновой рукописи: Планов? — возразил он.

Верхняя

15^2 Angora 1847-1. 25
12

Подпись, русско-германских имен Коммюна.

Не бавне аутом оне темпле на Царинама (отури),
објавио је у архивама.

1) Сычав Печеры.

[illegible]

помещиков, которые, с трудом различая овес от гречихи, бредят английскими веялками, молотильными машинами, плодопеременным хозяйством, свеклосахарными заводами и кирпичными избами с садиками на улице? Могу вас уверить: с этими господами у меня нет ничего общего. Я человек практический. Но у меня точно множество мыслей в голове... Не знаю, удастся ли мне исполнить все мои намеренья, — прибавил он с гордой скромностью, — во всяком случае, попытаюсь.

— Вот видите ли, — продолжал он, с достоинством передавая чубук из правой руки в левую и благородно пустив дым сквозь усы ^{9*}, — пора нам, помещикам, за ум взяться. Пора вникнуть в быт наших крестьян и, поняв однажды их потребности, с твердостью повести их по новой дороге к избранной цели... — Он почтительно помолчал перед собственной фразой. — Вот вам моя ^{10*} основная мысль, — заговорил он снова. — Должна же быть у России вообще, а следовательно и у русского крестьянского быта своя, самобытная, своеобразная, так сказать, будущность. Не правда ли? Должна? — В таком случае старайтесь угадать ее и так уж и действуйте в ее духе. Задача трудная, но даром нам ничего не дается. Я с охотой возьмусь за это дело... я свободен и сознаю в себе некоторую твердость характера. У меня нет никакой наперед принятой системы: я не славянофил и не поклонник Запада... Я, опять-таки скажу, я человек практический — и умею... умею заставлять!

— Все это очень хорошо, — возразил я; — вы, если смею так выразиться, — вы хотите быть маленьким Петром Великим вашей деревни.

— Вы смеетесь надо мной, — с живостью подхватил Евгений Александрович. — Впрочем, — прибавил он, помолчав немного, — в том, что вы сказали, есть доля истины.

— Желаю вам всевозможных успехов, — заметил я.

— Спасибо за желание...

Слуга Евгения Александровича вошел в комнату ^{11*}.

— Sind die Pferde angespannt, Hans? — спросил мой знакомый.

— Ja... Sie sind ^{12*}... готовы-с, — отвечал Hans.

Евгений Александрович поспешно допил чай, встал и надел шинель.

— Я не смею вас звать к себе, — промолвил он; — до моей деревни более ста верст... однако ж, если вздумается...

Я поблагодарил его... Мы простились. Он уехал.

В течение целого года я ничего не слыхал об моем петербургском приятеле. Раз только, помнится, на обеде у предводителя ^{13*} один красноречивый помещик, отставной бранд-майор Шептунович, между двумя глотками мадеры упомянул при мне об Евгенье Александровиче как о дворянине мечтательном и увлеченных свойств ^{14*}. Большая часть гостей немедленно согласилась с бранд-майором, а один из них, толстый человек с лиловым лицом и необыкновенно широкими зубами, смутно напоминавший ^{15*} какую-то здоровую ^{16*} корнеплодную овощь ^{17*}, прибавил тут же от себя, что у него, Ладыгина, тут (указав на лоб) что-то не совсем того ^{18*} — и с сожаленьем покачал своей замечательной головой. Кроме этого случая, никто даже не произнес при мне имени Евгенья Александровича. Но как-то раз, осенью, случилось мне, переезжая с болота на болото, далеко отбиться от дому... Страшная гроза застала меня на дороге. К счастью, недалеко виднелось село. С трудом добрались мы до околицы. Кучер

^{9*}В черновой рукописи: продолжал он в ответ на мой вопрошающий взгляд
^{10*}моя — описано ^{11*}В черновой рукописи: в избу ^{12*}Готовы лошади, Ганс?... Да... Они... (нем.) ^{13*}Первоначально: на предводительском обеде ^{14*}В черновой рукописи: отзывался, как о дворянине мечтательном и увлеченных свойств
^{15*}Первоначально: напоминающий ^{16*}здоровую — описано ^{17*}овощ написано вместо густо зачеркнутого слова ^{18*}Первоначально: что он-де Ладыгин что-то не совсем того

[illegible][illegible]

1. The first thing I noticed when I stepped out of the car was the smell of the sea. It was a salty, fresh, and invigorating scent that immediately put me at ease. The sun was shining brightly, and the waves were crashing against the shore. I felt a sense of freedom and adventure as I walked along the beach.

[illegible]

10. The evidence of the witness is that the defendant, at the time of the
 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28. 29. 30. 31. 32. 33. 34. 35. 36. 37. 38. 39. 40. 41. 42. 43. 44. 45. 46. 47. 48. 49. 50. 51. 52. 53. 54. 55. 56. 57. 58. 59. 60. 61. 62. 63. 64. 65. 66. 67. 68. 69. 70. 71. 72. 73. 74. 75. 76. 77. 78. 79. 80. 81. 82. 83. 84. 85. 86. 87. 88. 89. 90. 91. 92. 93. 94. 95. 96. 97. 98. 99. 100. 101. 102. 103. 104. 105. 106. 107. 108. 109. 110. 111. 112. 113. 114. 115. 116. 117. 118. 119. 120. 121. 122. 123. 124. 125. 126. 127. 128. 129. 130. 131. 132. 133. 134. 135. 136. 137. 138. 139. 140. 141. 142. 143. 144. 145. 146. 147. 148. 149. 150. 151. 152. 153. 154. 155. 156. 157. 158. 159. 160. 161. 162. 163. 164. 165. 166. 167. 168. 169. 170. 171. 172. 173. 174. 175. 176. 177. 178. 179. 180. 181. 182. 183. 184. 185. 186. 187. 188. 189. 190. 191. 192. 193. 194. 195. 196. 197. 198. 199. 200. 201. 202. 203. 204. 205. 206. 207. 208. 209. 210. 211. 212. 213. 214. 215. 216. 217. 218. 219. 220. 221. 222. 223. 224. 225. 226. 227. 228. 229. 230. 231. 232. 233. 234. 235. 236. 237. 238. 239. 240. 241. 242. 243. 244. 245. 246. 247. 248. 249. 250. 251. 252. 253. 254. 255. 256. 257. 258. 259. 260. 261. 262. 263. 264. 265. 266. 267. 268. 269. 270. 271. 272. 273. 274. 275. 276. 277. 278. 279. 280. 281. 282. 283. 284. 285. 286. 287. 288. 289. 290. 291. 292. 293. 294. 295. 296. 297. 298. 299. 300. 301. 302. 303. 304. 305. 306. 307. 308. 309. 310. 311. 312. 313. 314. 315. 316. 317. 318. 319. 320. 321. 322. 323. 324. 325. 326. 327. 328. 329. 330. 331. 332. 333. 334. 335. 336. 337. 338. 339. 340. 341. 342. 343. 344. 345. 346. 347. 348. 349. 350. 351. 352. 353. 354. 355. 356. 357. 358. 359. 360. 361. 362. 363. 364. 365. 366. 367. 368. 369. 370. 371. 372. 373. 374. 375. 376. 377. 378. 379. 380. 381. 382. 383. 384. 385. 386. 387. 388. 389. 390. 391. 392. 393. 394. 395. 396. 397. 398. 399. 400. 401. 402. 403. 404. 405. 406. 407. 408. 409. 410. 411. 412. 413. 414. 415. 416. 417. 418. 419. 420. 421. 422. 423. 424. 425. 426. 427. 428. 429. 430. 431. 432. 433. 434. 435. 436. 437. 438. 439. 440. 441. 442. 443. 444. 445. 446. 447. 448. 449. 450. 451. 452. 453. 454. 455. 456. 457. 458. 459. 460. 461. 462. 463. 464. 465. 466. 467. 468. 469. 470. 471. 472. 473. 474. 475. 476. 477. 478. 479. 480. 481. 482. 483. 484. 485. 486. 487. 488. 489. 490. 491. 492. 493. 494. 495. 496. 497. 498. 499. 500. 501. 502. 503. 504. 505. 506. 507. 508. 509. 510. 511. 512. 513. 514. 515. 516. 517. 518. 519. 520. 521. 522. 523. 524. 525. 526. 527. 528. 529. 530. 531. 532. 533. 534. 535. 536. 537. 538. 539. 540. 541. 542. 543. 544. 545. 546. 547. 548. 549. 550. 551. 552. 553. 554. 555. 556. 557. 558. 559. 560. 561. 562. 563. 564. 565. 566. 567. 568. 569. 570. 571. 572. 573. 574. 575. 576. 577. 578. 579. 580. 581. 582. 583. 584. 585. 586. 587. 588. 589. 590. 591. 592. 593. 594. 595. 596. 597. 598. 599. 600. 601. 602. 603. 604. 605. 606. 607. 608. 609. 610. 611. 612. 613. 614. 615. 616. 617. 618. 619. 620. 621. 622. 623. 624. 625. 626. 627. 628. 629. 630. 631. 632. 633. 634. 635. 636. 637. 638. 639. 640. 641. 642. 643. 644. 645. 646. 647. 648. 649. 650. 651. 652. 653. 654. 655. 656. 657. 658. 659. 660. 661. 662. 663. 664. 665. 666. 667. 668. 669. 670. 671. 672. 673. 674. 675. 676. 677. 678. 679. 680. 681. 682. 683. 684. 685. 686. 687. 688. 689. 690. 691. 692. 693. 694. 695. 696. 697. 698. 699. 700. 701. 702. 703. 704. 705. 706. 707. 708. 709. 710. 711. 712. 713. 714. 715. 716. 717. 718. 719. 720. 721. 722. 723. 724. 725. 726. 727. 728. 729. 730. 731. 732. 733. 734. 735. 736. 737. 738. 739. 740. 741. 742. 743. 744. 745. 746. 747. 748. 749. 750. 751. 752. 753. 754. 755. 756. 757. 758. 759. 760. 761. 762. 763. 764. 765. 766. 767. 768. 769. 770. 771. 772. 773. 774. 775. 776. 777. 778. 779. 780. 781. 782. 783. 784. 785. 786. 787. 788. 789. 790. 791. 792. 793. 794. 795. 796. 797. 798. 799. 800. 801. 802. 803. 804. 805. 806. 807. 808. 809. 810. 811. 812. 813. 814. 815. 816. 817. 818. 819. 820. 821. 822. 823. 824. 825. 826. 827. 828. 829. 830. 831. 832. 833. 834. 835. 836. 837. 838. 839. 840. 841. 84

[illegible]

1841
 1842
 1843
 1844
 1845
 1846
 1847
 1848
 1849
 1850
 1851
 1852
 1853
 1854
 1855
 1856
 1857
 1858
 1859
 1860
 1861
 1862
 1863
 1864
 1865
 1866
 1867
 1868
 1869
 1870
 1871
 1872
 1873
 1874
 1875
 1876
 1877
 1878
 1879
 1880
 1881
 1882
 1883
 1884
 1885
 1886
 1887
 1888
 1889
 1890
 1891
 1892
 1893
 1894
 1895
 1896
 1897
 1898
 1899
 1900
 1901
 1902
 1903
 1904
 1905
 1906
 1907
 1908
 1909
 1910
 1911
 1912
 1913
 1914
 1915
 1916
 1917
 1918
 1919
 1920
 1921
 1922
 1923
 1924
 1925
 1926
 1927
 1928
 1929
 1930
 1931
 1932
 1933
 1934
 1935
 1936
 1937
 1938
 1939
 1940
 1941
 1942
 1943
 1944
 1945
 1946
 1947
 1948
 1949
 1950
 1951
 1952
 1953
 1954
 1955
 1956
 1957
 1958
 1959
 1960
 1961
 1962
 1963
 1964
 1965
 1966
 1967
 1968
 1969
 1970
 1971
 1972
 1973
 1974
 1975
 1976
 1977
 1978
 1979
 1980
 1981
 1982
 1983
 1984
 1985
 1986
 1987
 1988
 1989
 1990
 1991
 1992
 1993
 1994
 1995
 1996
 1997
 1998
 1999
 2000
 2001
 2002
 2003
 2004
 2005
 2006
 2007
 2008
 2009
 2010
 2011
 2012
 2013
 2014
 2015
 2016
 2017
 2018
 2019
 2020
 2021
 2022
 2023
 2024
 2025
 2026
 2027
 2028
 2029
 2030
 2031
 2032
 2033
 2034
 2035
 2036
 2037
 2038
 2039
 2040
 2041
 2042
 2043
 2044
 2045
 2046
 2047
 2048
 2049
 2050
 2051
 2052
 2053
 2054
 2055
 2056
 2057
 2058
 2059
 2060
 2061
 2062
 2063
 2064
 2065
 2066
 2067
 2068
 2069
 2070
 2071
 2072
 2073
 2074
 2075
 2076
 2077
 2078
 2079
 2080
 2081
 2082
 2083
 2084
 2085
 2086
 2087
 2088
 2089
 2090
 2091
 2092
 2093
 2094
 2095
 2096
 2097
 2098
 2099
 2100
 2101
 2102
 2103
 2104
 2105
 2106
 2107
 2108
 2109
 2110
 2111
 2112
 2113
 2114
 2115
 2116
 2117
 2118
 2119
 2120
 2121
 2122
 2123
 2124
 2125
 2126
 2127
 2128
 2129
 2130
 2131
 2132
 2133
 2134
 2135
 2136
 2137
 2138
 2139
 2140
 2141
 2142
 2143
 2144
 2145
 2146
 2147
 2148
 2149
 2150
 2151
 2152
 2153
 2154
 2155
 2156
 2157
 2158
 2159
 2160
 2161
 2162
 2163
 2164
 2165
 2166
 2167
 2168
 2169
 2170
 2171
 2172
 2173
 2174
 2175
 2176
 2177
 2178
 2179
 2180
 2181
 2182
 2183
 2184
 2185
 2186
 2187
 2188
 2189
 2190
 2191
 2192
 2193
 2194
 2195
 2196
 2197
 2198
 2199
 2200
 2201
 2202
 2203
 2204
 2205
 2206
 2207
 2208
 2209
 2210
 2211
 2212
 2213
 2214
 2215
 2216
 2217
 2218
 2219
 2220
 2221
 2222
 2223
 2224
 2225
 2226
 2227
 2228
 2229
 2230
 2231
 2232
 2233
 2234
 2235
 2236
 2237
 2238
 2239
 2240
 2241
 2242
 2243
 2244
 2245
 2246
 2247
 2248
 2249
 2250
 2251
 2252
 2253
 2254
 2255
 2256
 2257
 2258
 2259
 2260
 2261
 2262
 2263
 2264
 2265
 2266
 2267
 2268
 2269
 2270
 2271
 2272
 2273
 2274
 2275
 2276
 2277
 2278
 2279
 2280
 2281
 2282
 2283
 2284
 2285
 2286
 2287
 2288
 2289
 2290
 2291
 2292
 2293
 2294
 2295

[illegible]

НАБРОСОК НЕЗАКОНЧЕННОГО РАССКАЗА ТУРГЕНЕВА
«РЕФОРМАТОР И РУССКИЙ НЕМЕЦ»
Черновой автограф, 1848 г. Лист 1
Национальная библиотека, Париж

повернул к воротам крайней избы, кликнул хозяина... Хозяин, рослый мужик лет сорока, впустил нас. Изба его не отличалась опрятностью, но в ней было тепло и не дымно. В сенях баба с остервенением крошила ^{19*} капусту.

Я уселся на лавке, спросил горшок молока, хлеба. Баба отправилась за молоком ^{20*}.

— Чьи вы? — спросил я мужика.

— Ладыгина, Евгения Александрыча.

— Ладыгина? Да разве здесь уже Курская пошла губернья?

— Курская, как же. От самого Худышкина Курская пошла.

Баба вошла с горшком, достала деревянную ложку, новую, с сильным запахом деревянного масла, проговорила: «Кушай, батюшка ты мой, на здоровье», — и вышла, стуча лаптями. Мужик хотел было отправиться вслед за ней, но я его остановил. Мы понемногу разговорились. Мужики большей частью не слишком охотно беседуют с господами, особенно, когда у них неладно; но я заметил, что иные крестьяне ^{21*}, когда им больно плохо приходится, необыкновенно спокойно и холодно высказывают всякому проезжему «барину» всё, что у них на сердце, словно речь идет о другом — только плечом изредка поводят или потупятся вдруг... Я со второго слова моего хозяина догадался, что мужичкам Евгенья Александровича житье плохое...

— Так недовольны вы вашим баринком? — спросил я.

— Недовольны, — решительно отвечал мужик.

— Что ж — он притесняет вас, что ли?

— Замотал ^{22*} вовсе, заездил, как есть.

— Как же так?

— Да вот как. Господь его знает, что за барин такой! Такого барина и старики не запомнят. И ведь не то, чтобы разорял крестьян; с оброчных даже оброку сбавил. А плохо приходится, вот как, не приведи бог. Приехал он к нам прошлой осенью, под самый Спас ^{23*}, ночью ^{24*} приехал. На другое утро, где, солнышко еще ^{25*} только что выглянуло ^{26*} — а уж он вскопчил — оделся духом — да и побежал по дворам. Ведь он такой у нас ^{27*} проворный; прыток больно ^{28*}; словно лихорадка его колотит ^{29*}. Вот и пошел он по дворам. — Хозяина, — говорит, — сюда со всей семьей! А сам по самой середине избы стоит, не шевельнется ^{30*} и ^{31*} книжечку в руках держит ^{32*}, так и озирается, словно ястреб. Глаза-то у него такие славные, светлые ^{33*}. Вот ^{34*} и спрашивает у хозяина: Как тебя зовут? Сколько тебе лет? ^{35*} — Ну, мужик, разумеется, отвечает ^{36*}, а он записывает. — А жену зовут как? Детей? ^{37*} Сколько лошадей? овец? свиней? поросят? ^{38*} кур, гусей? телег? ^{39*} А плугов, борон? овса собрано? ржи? муки? — Квасу мне подай отведасть! ^{40*} Хомуты мне ^{41*} покажи! А сапоги есть? Горшков сколько? мисок? ложек? ^{42*} Тулузов сколько, рубашек? ей-богу, и про рубашки спрашивал! И всё записывает, словно на допросе. — Чем ^{43*}, говорит, ты промышляешь? В город едешь?

^{19*} Первоначально: рубила ^{20*} В черновой рукописи далее: Мужик пошел ^{21*} В черновой рукописи: иные крестьяне, большей частью уже не молодые ^{22*} В черновой рукописи: заморил ^{23*} Здесь беловая рукопись обрывается. Далее печатается по черновой. ^{24*} Перед этим зачеркнуто: и ^{25*} Далее зачеркнуто: не ^{26*} Первоначально: показалось ^{27*} у нас — вписано ^{28*} прыток больно — вписано ^{29*} Далее зачеркнуто: на месте не стоит ^{30*} не шевельнется — вписано ^{31*} Первоначально: с ^{32*} Первоначально: и записывает — какая тебе ^{33*} так ∞ светлые — вписано ^{34*} Далее зачеркнуто: он ^{35*} Сколько тебе лет — вписано ^{36*} Первоначально: [Тот] Ну, мужик говорит: Ипат, Гаврило, что <ли> ^{37*} А жену ∞ детей? — вписано ^{38*} поросят — вписано ^{39*} Далее зачеркнуто: сколько новых <х> одна или две или сколько ^{40*} овса ∞ отвeдасть — вписано; далее зачеркнуто: покажи ^{41*} Далее зачеркнуто: <нрзб.> ^{42*} Горшков ∞ ложек — вписано ^{43*} Первоначально: Кака<я>

Часто? а именно ^{44*}, сколько раз в месяц? А вино любишь пить? Жену бьешь? Детей бьешь тоже? ^{45*} К чему тебе сердце лежит?.. ^{46*} Да дважды ^{47*}, ей-богу же, спрашивал, — прибавил мужик, в ответ на мою невольную улыбку ^{48*}... И все дворы обошел как есть ^{49*}. Тита старосту ^{50*} совсем истомил, даже в ноги ему Тит ^{51*} повалился — говорит ^{52*}: батюшка, пощади, — уж коли чем перед тобою ^{53*} виноват ^{54*}, лучше высечь прикажи ^{55*}. — На другой день опять до зари поднялся ^{56*} и всех как есть крестьян на сходку собрать приказал. Вот мы пришли ^{57*}. К нему на двор. Он вышел к нам на крыльцо, поздоровался и начал говорить.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Издатели «Недѣли» считаютъ не лишнимъ заявить:

- 1) Что съ 1 января «Недѣля» будетъ печататься новѣе, болѣе удобнымъ для чтенія, шрифтомъ.
- 2) Что предполагено издавать ее въ увеличенномъ противъ обыкновеннаго объема.
- 3) Что въ составъ сотрудниковъ войдутъ нѣсколько новыхъ лицъ, при чемъ отдѣлы земскій и судебный получать особенное развитіе и вообще нумера газеты будутъ отличатся большимъ разнообразіемъ содержанія.
- 4) Что въ первыхъ нумерахъ «Недѣли» 1873 года будетъ напечатана повѣсть Ив. С. Тургенева: «Русскій немецъ и реформаторъ».
- 5) Что годовые подписчики настоящаго года, за недоданные имъ нумера «Недѣли», получатъ въ будущемъ году особое изданіе.

ОВЪ ИЗДАНИИ ГАЗЕТЫ

„НЕДѢЛЯ“

въ 1873 году.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПРЕДСТОЯЩЕЙ ПУБЛИКАЦИИ «ПОВЕСТИ» ТУРГЕНЕВА
«РУССКИЙ НЕМЕЦЪ И РЕФОРМАТОРЪ» ВЪ ГАЗЕТЕ «НЕДЕЛЯ»

«Неделя» от 1 ноября 1872 г.

Уж говорил он, говорил, говорил. Что за диво — не возьмем мы его в толк, — а кажется по-русски говорит. Всѣ, — говорит, — у вас не так, неладно, я, мол, говорит, вас иначе поведу, впрочем, я всё не хочу вас принуждать — а вы, говорит ^{58*}, у меня ^{59*}... А тягlosti ^{60*} все сполнять, добавил: как будете сполнять, хорошо; а не будете сполнять — я ни на что не погляжу. А что сполнять — бог его знает.

Ну, — говорит, — вы теперь поняли меня. Ступайте по дворам. А дело у меня с завтрашняго дня начнется ^{61*}. Вот мы и пошли. Пошли мы ^{62*}... Дошли до села. Поглядели друг на друга, поглядели друг на друга — да побрели по дворам ^{63*}.

^{44*} Первоначально: часто *зачеркнуто*, но сверху написано: часто, а именно
^{45*} Первоначально: любишь ^{46*} Далее *зачеркнуто*: Ей-богу ^{47*} Первоначально: как (?)
^{48*} Далее *вписано и зачеркнуто*: Баню такую каждому крестьянину задал ^{49*} И все ∞ как есть — *вписано* ^{50*} Далее *зачеркнуто*: до того довел, что тот; *сверху вписано*: совсем истомил, даже ^{51*} Тит — *вписано* ^{52*} Далее *зачеркнуто*: пощади, го- суд(арь) (?) ^{53*} перед тобою — *вписано* ^{54*} Далее *зачеркнуто*: <нрзб.> ^{55*} Далее *зачеркнуто*: Что ты де<...>; С самого того дня ^{56*} Далее *зачеркнуто*: Позв(ал)
^{57*} Далее *зачеркнуто*: Он ^{58*} говорит — *вписано* ^{59*} Далее *зачеркнуто*: только ^{60*} А тягlosti — *вписано* ^{61*} А дело ∞ начнется — *вписано* ^{62*} Далее *зачеркнуто*: даже бе<жали> ^{63*} Далее *зачеркнуто*: Ну и что ж

«РУССКИЙ НЕМЕЦ И РЕФОРМАТОР»

(НЕДОПИСАННЫЙ РАССКАЗ ИЗ ЦИКЛА «ЗАПИСКИ ОХОТНИКА»)

Послесловие Ю. Г. Оксманова

В середине 1847 г., как свидетельствуют начальные планы и программы «Записок охотника», Тургеневым были задуманы для этого цикла два рассказа, один из которых назван был им «Русский немец» (первый вариант заголовка — «Помещик из немцев»), а другой — «Реформатор». Первый рассказ намечался для восьмой книжки «Современника» 1847 г., а второй — для двенадцатой¹.

Работа над этими рассказами несколько задержалась, но оба они печатно обещаны были читателям «Современника» в объявлении о подписке на журнал в 1848 г., вместе с пятью другими рассказами из цикла «Записки охотника»: «Два помещика», «Бирюк», «Уездный лекарь», «Туман» и «Человек Екатерининского времени»².

Летом 1848 г. рассказы «Русский немец» и «Реформатор», судя по отметкам в планах «Записок охотника», были объединены в одно произведение под заголовком «Русский немец и реформатор» (этот заголовок заменил тот, который был в рукописи — «Реформатор и русский немец»), обещанное подписчикам «Современника» на 1849 г.³ Но и в этом году рассказ не был закончен и остался неопубликованным.

В течение многих лет исследователи Тургенева располагали лишь одним свидетельством, позволявшим судить не только о фабуле и основных персонажах не дошедшего до нас рассказа, но и о причинах отказа писателя от реализации этого замысла. Мы имеем в виду автопризнание Тургенева, дошедшие до нас в записях дневника и воспоминаний Н. А. Островской, встречавшейся с писателем в Карлсбаде в 1873 г.:

«Зашел как-то разговор об одном господине, давно умершем (Зиновьеве), — передает Н. А. Островская. — Он был человек незлой и порядочный, рассказывал Тургенев, только невыносимый: у него, бывало, всё — государственное дело, вечно он был озабочен. Я его об одном просил: „Сделайте милость, З., не застегивайте при мне скюртука!“ Так он важно пуговицы застегивал, что на нервы действовало. Я пробовал его изобразить в повести, которая должна была войти в состав „Записок охотника“. Представлено было два помещика: один З., в своей деревне все распоряжался, все порядок водворял — мужиков обстроил по своему плану, заставлял их пить, есть, делать по своей программе; ночью вставал, обходил избы, будил народ, все наблюдал. Другой был немец рассудительный, аккуратный, но — у обоих мужикам приходилось плохо. Только З. вышел у меня до того поразительно похож на Николая Павловича, что нечего было и думать печатать, цензура ни за что бы не пропустила»⁴.

Исключительная точность этих записей Н. А. Островской полностью подтверждается черновыми автографами Тургенева, относящимися еще к лету 1847 г. Они были обнаружены профессором Андре Мазоном в парижской части архива Тургенева и публикуются выше⁵.

Героями недописанного рассказа Тургенева «Русский немец и реформатор» являлись два курских помещика — один из них, немец по происхождению, господин Леберехт Фохтлендер, другой — немец по воспитанию и духу, русский вариант прусского юнкера, Евгений Александрович Ладыгин.

Выпуклая характеристика первого из них сложилась в ту пору, когда рассказ «Русский немец» еще не был объединен с рассказом «Реформатор» и входил в цикл «Записок охотника» на равных правах со всеми другими очерками.

«Г-н Леберехт Фохтлендер, — рекомендовал Тургенев своим читателям этого не совсем обычного представителя правящего класса Российской империи, — родился, по слухам, в славном (?) немецком городке Гупбахе, на 25 году поступил на российскую службу, состоял в разных должностях 32 года с половиной —

вышел в отставку с чином надворного советника и орденом святой Анны...» и т. д.

На постоялом дворе по большой Курской дороге, недалеко от которой была усадьба Фохтлендера, автор встречается с Ладыгиным, русским барином, который, однако, даже со своим камердинером говорит только по-немецки.

Подобные персонажи, волновавшие творческое воображение Тургенева в 1847—1848 гг., с исключительной памфлетной силой показаны были одиннадцать лет спустя в фельетонах Герцена «Русские немцы и немецкие русские» на страницах «Колокола».

«Из всех правительственных немцев — само собою разумеется — русские немцы самые худшие, — писал Герцен в 1859 г. — Немецкий немец в правительстве бывает наивен, бывает глуп, снисходит иногда к варварам, которых он должен очеловечить. Русский немец ограниченно умен и смотрит с отвращением стыдящегося родственника на народ. И тот и другой чувствуют свое бесконечное превосходство над ним, и тот и другой глубоко презирают все русское, уверены, что с нашим братом ничего без палки не сделаешь. Но немец не всегда показывает это, хотя и всегда бьет; а русский и бьет, и хвастается». И далее: «Немцы из настоящих и из поддельных приняли русского человека за *tabula rasa*, за лист белой бумаги... и так как они не знали, что писать, то они положили на нем свое тавро и сделали из простой бумаги гербовый лист и исписали его потом нелепыми формами, титулами, а главное — крепостными актами, которыми закабалляли больше и больше это *живое тесто*, которое они были призваны выпцивилизовать»⁶.

Круг проблем, связанных с темой «русские немцы», определялся для Герцена не только философски-историческими и социально-политическими аспектами. «Русский немец» занимал его и как типичский характер, обусловленный совершенно конкретными национальными и бытовыми условиями русской действительности первой половины XIX в. И занимала его эта тема уже много лет: «В мою молодость, в Москве, я имел случай изучить по крайней мере человек пять Биронов, — рассказывал Герцен в своем памфлете. — <...> Отец мой охотно отдавал дворовых мальчиков к немцам в науку. Все хозяева были неумолимые, систематические злодеи, и при том какие-то *беззлые*, что еще больше делало невыносимым их тиранство»⁷.

Мы полагаем, что эти же особенности восприятия некоторых отрицательных черт «русских немцев» и «немецких русских» в государственном аппарате и в помещичьем быту дают ключ к уяснению образов недописанного рассказа Тургенева «Русский немец и реформатор». Это отчасти подтверждается и строками письма автора «Записок охотника» к Герцену от 5/17 декабря 1856 г., в котором он характеризовал Поггенполя, редактора русско-французской газеты «Le Nord», издававшейся в Брюсселе: «Поггенполь интригант, русский немец, который уверяет, что ненавидит немцев и „чувствует союзу“ (собственные его слова) с русским мужиком». Неслучайно и то, что образ русского немца, занимавший Тургенева в его рассказе, оказался очень похожим на императора Николая. Ведь именно о нем писал и Герцен в своем памфлете, утверждая, что «один из самых замечательных русских немцев, желавших обрусеть, был Николай»⁸.

Имя Зиновьева, о котором Тургенев упомянул в беседе с Островской как о прототипе одного из героев задуманного им рассказа, ничего не сказало ей. Ничего не говорит оно и современному читателю. А между тем именно этот Зиновьев, о котором Тургенев вспомнил в 1873 г. лишь как о «человеке незлом и порядочном», но «невыносимом» педанте и деспоте, входил в начале 40-х годов в ближайшее окружение Герцена⁹, именно он познакомил в 1843 г. Тургенева с Белинским, именно о нем писал Белинский 23 февраля 1843 г. Н. А. Бакунину и его сестрам из Петербурга в Премухино: «А какой чудесный человек этот Зиновьев! Вот истинно крепкая, здоровая, действительная натура! Человек, вполне достойный любви женщины, мужчина в полном значении этого слова». О нем же Белинский писал 31 марта того же года В. П. Боткину: «Что за натура — Зиновьев! Мы все дрянь перед ним»¹⁰.

Эти неожиданные и даже несколько загадочные на первый взгляд отзывы великого критика о Зиновьеве легко расшифровываются, если мы вспомним, что именно Петр

Васильевич Зиновьев (1812—1868), бывший студент С.-Петербургского университета и отставной корнет лейб-гвардии Конного полка, совершил в 1837 и в 1838 гг. две исключительно рискованные нелегальные поездки в сибирские «каторжные норы» для свидания с декабристом В. П. Ивашевым, братом любимой им женщины¹¹. Связи, установившиеся у Зиновьева с ссыльными декабристами во время его нелегальных приездов в Сибирь, не оборвались и в позднейшие годы. Об этом красноречиво свидетельствуют строки И. И. Пущина на рукописи записок декабриста М. А. Фонвизина: «Доброму Петру Васильевичу Зиновьеву вверяется эта рукопись друга моего, Михаила Александровича Фонвизина. Ялutorовск. 26 декабря 1854 г.»¹². Имя Зиновьева отмечается и в письме Т. Н. Грановского от 31 мая 1848 г. к жене, когда он перечисляет людей, знакомство с которыми скрасило его пребывание в Петербурге после смерти Белинского¹³.

Таким образом, в недописанном рассказе Тургенева «Реформатор и русский немец» получили отражение только некоторые, не самые важные и притом лишь отрицательные черты очень сложного и противоречивого облика Зиновьева. Характерно в этом отношении и недоброжелательное упоминание о Зиновьеве в письме Тургенева от 25 мая/6 июня 1853 г. из Спасского к П. В. Анненкову, в котором речь шла о «непозволительно крутых и едва ли добросовестных» поступках Зиновьева и М. А. Языкова при ликвидации их отношений с Н. Н. Тютчевым как пайщиком принадлежавшей им С.-Петербургской «Комиссионной конторы для провинциальных жителей».

О возвращении Тургенева к планам начатого им в 1847 г. рассказа о «русском немце» свидетельствует его письмо от 13/25 августа 1872 г. к Е. И. Рагозину, редактору журнала «Неделя», обратившемуся к писателю с просьбой о литературной поддержке его издания: «Вы можете рассчитывать на рассказ листа в полтора полных (неизданный отрывок из „Записок охотника“), — отвечал Тургенев. — Я не кончил его тогда в предчувствии, что цензура — тогдашняя — его непременно запретит; должно полагать, что несмотря на все прелестные позднейшие нововведения — теперешняя цензура его все-таки пропустит». И далее: «Рассказ вы получите в октябре непременно. Заглавие ему „Русский немец и реформатор“»¹⁴.

Это обещание не было, однако, выполнено Тургеневым. Сперва работа над окончанием рассказа задержана была болезнью писателя, а затем он вынужден был от нее вовсе отказаться из-за протеста Анненкова против расширения рамок исторически сложившегося цикла «Записок охотника»: «Пусть они остаются в неприкосновенности и в покое после того, как обошли все части света, — писал Анненков 4 ноября 1872 г. — Какая прибавка, какие дополнения, украшения и пояснения могут быть допущены к памятнику, захватившему целую эпоху и выразившему целый народ в известную минуту? Он должен стоять — более ничего. Это сумасбродство — начинать сызнова „Записки“»¹⁵.

Тургенев принял аргументацию Анненкова, хотя и подчеркивал в своих объяснениях по этому поводу с ним и со Стасюлевичем, что рассказы из цикла «Записки охотника», над которыми он предполагал работать, — «Русский немец и реформатор» и «Землеед» — имеют в виду не «нечто новое», а «старое, начатое и приготовленное двадцать лет тому назад»¹⁶.

Письмо Тургенева к Анненкову от 25 октября/6 ноября 1872 г. интересно для нас не только потому, что оно мотивирует отказ писателя от работы над завершением «Русского немца и реформатора» и от его публикации в «Неделе». Самым существенным является в этом письме признание, что некоторые фабульные детали рассказа «Землеед» Тургенев предполагал в 1872 г. использовать (видимо в самой концовке?) в «Русском немце и реформаторе». По крайней мере, иначе невозможно объяснить следующие строки этого письма: «Я ему (Рагозину) обещал что-нибудь прислать небольшое: вот я и вспомнил о „Земледе“, начало которого сохранилось у меня в бумагах (<...> Но коли лучше не трогать „Записок охотника“ ни так ни сяк, я изворочусь иначе. Напишите немедленно. Я так и поступаю; и либо пошло нечто другое, либо дам „Землееду“ другую турнюру. (В этом рассказе я передаю совершившийся у нас факт — как крестьяне уморили своего помещика, который ежегодно урезывал у них землю и которого они

Реформатор и Русский Немец.

Я сижу в так называемой "чистой" комнате пос-
тольного двора на бывшей Курской дорожке и распрям-
ляю спину, подставляю голову к стене, слушаю, слушаю,
слушаю, слышу на выкате и отбываю жавотного в
числе работников поставляет в последние время Мавроди-
ское общество - как вдруг дверь растворилась - и вошел в рас-
кату противней, спровиды и Фридрих Вильгельм в зловещей
дорожечной шубе. Ого, куда так... Евгений Александрович!
вышел я.. как же выйдешь?... - А, да.. выйдешь, он в
этом случае был как сам друг другу руку... как в раде, как
"А раде" продолжал он, он, не сего намерения...

"Ага! Все же не так?" спросил я наклонив.

"Во Курское... Я намеренно пошутил."

"Минутка была стояла?" пробормотал я со злостью у
самого себя.

"Скромнее": отбормотал он с ласковой улыбкой. "Ах, да!"
пробормотал он продолжая говорить - как вдруг - за поворотом! "Вот
оно же! Ну как же, да пошутил!" "Вот
Вот так же!" Евгений Александрович, продолжал он, не сего
намерения, отбормотал он.

"Hans! продолжайте же!" "Hans! Sie mir eine Heise!"

"У Hans как же, да пошутил?" "спросил я."

"Ах... из-за этого... отбормотал Евгений Александрович с рас-
становкой "но по телефону пошлите."

"А по Русскому говорите?"

Евгений Александрович пошлите письмо... "да, говорите."

Hans Вручал, поттиatively пошлите письмо к другу к другу
барона, пошлите на письмо "отбормотал он, не сего намерения"
мало - и приставил к булавке фразу Беринг как же, да
румя, прищипывая бока и в кривой улыбке да отбормотал, словно
слова да сжал. Возник в нем "отбормотал" и "отбормотал" "отбормотал".

НАБРОСОК НЕЗАКОНЧЕННОГО РАССКАЗА ТУРГЕНЕВА
«РЕФОРМАТОР И РУССКИЙ НЕМЕЦ»

Беловой автограф, 1872 г. Лист 1

Национальная библиотека, Париж

прозвали за то землеедом, заставив его скушать фунтов 8 отличнейшего чернозему. Сюжетик веселенький, как изволите видеть)».

Судя по начальным страницам рассказа «Русский немец и реформатор», судьба «землееда» ожидала именно «русского немца» — господина Леберехта Фохтлендера.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Планы «Записок охотника» впервые опубликованы были в работе М. К. Клемана «Программы „Записок охотника“». — «Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та, серия филолог. наук», вып. XI, 1941, стр. 88—126. С существенными дополнениями и уточнениями они же вошли в Тург. АН. Сочинения, т. IV, стр. 461—473.

² Объявление о подписке на «Современник» в «Московских ведомостях», 1847, № 154, 25 декабря. О судьбе названных в объявлении рассказов Тургенева — см. в кн.: Ю. Г. Оксман. От «Капитанской дочки» А. С. Пушкина к «Запискам охотника» И. С. Тургенева. Саратов, 1959, стр. 259—266.

³ «Современник», 1848, № 9-10, стр. 1—10 особой пагинации. В объявлении рассказ назван был (может быть, по цензурным соображениям) «Русский немец».

⁴ Тургеневский сборник. <Пг.>, «Огни», <1915>, стр. 83—84.

Второй персонаж недописанного рассказа из «Записок охотника», о котором сообщил Тургенев Н. А. Островской, некоторыми своими чертами был очень близок злодею-помещику в концовке статьи Пушкина о «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева: «Этот помещик, — вспоминал Пушкин в 1834 г., — был род маленького Людовика XI. Он был тиран, но тиран по системе и по убеждению, с целью, к которой двигался он с силою души необыкновенной, и с презрением к человечеству, которого не думал и скрывать». Получив в наследство 2 тысячи душ крепостных, «избалованных слабым и беспечным» его предшественником, этот знакомый Пушкина «в три года привел крестьян в жестокое положение. Крестьянин не имел никакой собственности — он пахал барскою сохою, запряженной барскою клячею, скот его был весь продан, он садился за спартанскую трапезу на барском дворе; дома не имел он ни штей, ни хлеба. Одежда, обувь выдавались ему от господина — словом, статья Радищева <глава «Вышний Волочек»> кажется картиною хозяйства моего помещика. Как бы вы думали? Мучитель имел виды филантропические. Приучив своих крестьян к нужде, терпению и труду, он думал постепенно их обогатить, возратить им их собственность, даровать им права! — Судьба не позволила ему исполнить его предначертания. Он был убит своими крестьянами во время пожара» (Пушкин. Полн. собр. соч., т. XI. М.—Л., 1949, стр. 267). Пушкин наблюдал этого неизвестного нам помещика-аракчеевца около 1820 г.

⁵ Краткие сведения об автографах этих набросков впервые даны были в кн.: Мазон, р. 54.

⁶ Герцен АН, т. XIV, стр. 148 и 153.

⁷ Там же, стр. 149.

⁸ Там же, стр. 151.

В фразеологии первой половины XIX в. понятие «русский немец» имело особый пренебрежительный смысл, о котором свидетельствует не только агитационная песня Рыльева «Царь наш — немец русский...», но и анонимное памфлетное письмо Добролюбова к Н. И. Гречу, в котором умственное убожество «русских немцев» противопоставлялось высоким интеллектуальным данным «настоящего русского и настоящего немца» («Лит. наследство», т. 57, 1951, стр. 10).

⁹ Герцен АН, т. XXII, стр. 116, 117, 155, 157, 201, 206, 226, 229, 236.

¹⁰ Белинский, т. XII, стр. 139 и 151.

¹¹ О. Буланова. Роман декабриста. Изд. 3-е. М., 1933, стр. 259, 298—304, 314—318, 350, 352.

Для характеристики П. В. Зиновьева следует учесть, что он был сыном тайного советника В. Н. Зиновьева, товарища А. Н. Радищева и А. М. Кутузова по Лейпцигскому университету, впоследствии президента Медицинской коллегии, богатейшего помещика. Зиновьев был в свойстве и с декабристом М. Ф. Орловым. См. о нем также статью М. К. Перкаля «Новгородский знакомый А. И. Герцена и друг декабристов П. В. Зиновьев». — «Русская литература», 1963, № 4, стр. 155—160.

¹² «Русская старина», 1884, № 4, стр. 33.

¹³ «Т. Н. Грановский и его переписка», т. II. М., 1897, стр. 275.

¹⁴ «Звезда», 1958, № 12, стр. 209.

¹⁵ «Русское обозрение», 1898, № 5, стр. 20—21.

¹⁶ Там же, стр. 21. — В письме к М. М. Стасюлевичу от 9/21 декабря 1872 г. Тургенев, говоря о своем обещании дать в журнал «Неделя» рассказ «Русский немец и реформатор», пояснял: «...это просто неоконченный отрывок из „Записок охотника“, пролежавший в моем портфеле с лишком 20 лет; я обещал окончить его и дать Рагозину (так как отрывок прекоротенький) — но и с этим не мог справиться» (Стас., стр. 29).